

Наталья
Александрова

Наталья Александрова

Хоровод
со смертью

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Оформление *Анастасии Орловой*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Ранее книга издавалась под названием «Шкатулка Люцифера»

Александрова, Наталья.

А46 Хоровод со смертью : [роман] / Наталья Александрова. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — (Роковой артефакт).

ISBN 978-5-17-982567-8

Дмитрий Старыгин, талантливый реставратор с мировым именем, не любил мистику и считал, что все в жизни имеет простые, реалистические объяснения. Однако судьба как будто насмеялась над его практическим мировоззрением, и Дмитрий Алексеевич время от времени попадал в удивительные истории, которые было трудно объяснить логикой и здравым смыслом.

Вот и деловая поездка в Таллин по приглашению эстонского коллеги получила неожиданное развитие. Профессор Саар оказался убит, а на его теле полиция обнаружила вырванный из древнего манускрипта лист с гравюрой и стихами на латыни. Кроме желания помочь следствию, у Старыгина появился и другой интерес: одна из таких гравюр являлась ключом к тайнику, в котором, по преданию, уже несколько веков хранятся сокровища Люцифера.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-982567-8

© Н. Александрова, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Дверной колокольчик приветливо звякнул. Высокий сухощавый мужчина в черном кашемировом пальто вошел в букинистическую лавку, чуть задержавшись на пороге. В тепле его очки запотели, и ему пришлось протереть их клетчатым платком. Только тогда он увидел букиниста — круглолицый старик улыбался ему, как старому знакомому, и заговорщицки подмигивал.

— Добрый вечер! — проговорил посетитель, учтиво кланяясь и подходя к прилавку.

— Добрый! И впрямь добрый, господин профессор! — радостно воскликнул букинист. — Как хорошо, что вы ко мне зашли! У меня есть для вас кое-что очень интересное!

Он запустил руку под прилавок и выложил перед посетителем маленькую книжицу в коричневой обложке из вытертой кожи.

— Что это? — Профессор стянул перчатку, протянул руку к книге. Его сердце взволнованно забилося — он уже догадывался, что за книга лежит перед ним.

— Да, это именно та книга! — закивал букинист, улыбаясь, как будто радовался еще больше посетителя. — Именно та, которую вы искали, господин профессор!

Профессор раскрыл книгу, взглянул на титульный лист — и его сердце забилось еще быстрее. Он увидел латинское название, отпечатанное чуть неровным шрифтом, характерным для редчайших изданий шестнадцатого века, увидел дату выпуска, имя книгопечатника — Донатас Мак Абрус из Любека — и поднял просветлевшие глаза на хозяина лавки.

— Да, это она! — выдохнул он едва слышно. — Сколько я должен вам, господин... господин...

От волнения он внезапно забыл имя букиниста. Да, впрочем, знал ли он его прежде? Кажется, раньше в этом магазине он видел совсем другого человека...

— Яан, меня зовут Яан, господин профессор! — напомнил тот, нисколько не обидевшись, и назвал посетителю цену — просто смехотворную для такого редкого издания.

Впрочем, и таких денег у профессора с собой не имелось.

Он торопливо достал бумажник, пересчитал наличность — у него было при себе около тысячи евро.

— Я занесу остальное завтра! — проговорил он, кладя на прилавок деньги. — Прямо с утра...

— Не волнуйтесь, господин профессор! — успокоил его букинист. — Я вас давно знаю, вы можете принести остальные деньги в любое удобное время. А книгу возьмите сейчас,

я ведь понимаю, что вам не терпится в нее заглянуть... — И букинист снова замигал обоими глазами поочередно, чем немало смутил посетителя.

Впрочем, странная мимика букиниста волновала его куда меньше удивительной книги. Он торопливо расстегнул свой пухлый портфель, спрятал туда драгоценное издание, сбивчиво поблагодарил хозяина и покинул лавку — ему не терпелось добраться до дома, включить любимую лампу под матовым зеленым абажуром и остаться наедине со своим новым приобретением...

Однако, выйдя на улицу и пройдя пару кварталов по брусчатке Старого города, профессор почувствовал проникающий под пальто сырой холод, и ему непреодолимо захотелось свернуть в хорошо известный подвальчик, где вот уже полвека подают горячий ароматный глинтвейн.

Поднявшись по широким каменным ступеням ведущей на Вышгород лестницы, профессор свернул вправо и толкнул тяжелую дубовую дверь. Его сразу обдало живым теплом и сложной смесью ароматов — корицы и кардамона, гвоздики и коньяка, свечного воска и тмина. Вниз вела узкая крутая лесенка, в конце которой, вдоль стены сводчатого подвала, стояли маленькие столики. На каждом столике уютно горела свеча в стакане из красного стекла, и багряные отблески плясали на мрачных камнях стен. В самой глубине подвала за стойкой царила Аника — славная девушка с милыми ямочками на щеках.

Как ни странно, посетителей почти не было, только крупный старик с обветренным лицом старого рыбака грустил над стаканом горячего питья под ностальгический голос Георга Отса, льющий из колонок.

Старый Таллинн славится погребками и подвальчиками, главная прелесть которых заключается в том, что они ничуть не меняются на протяжении десятилетий, как будто над ними совершенно не властно всепоглощающее время. Так и этот подвальчик — профессор знал его всю свою жизнь, и за это время глинтвейн несколько хуже не стал и обстановка заведения не изменилась. Пожалуй, единственная перемена — прежде вместо круглых столов вдоль стены стояли старые дубовые бочки. Да на месте Аники за стойкой улыбалась ее мать — впрочем, такая же славная и приветливая.

Профессор взял стакан глинтвейна, обменялся с Аникой парой дежурных фраз и устроился за дальним столом.

Отхлебнув горячего ароматного вина, он почувствовал покой и умиротворение. Впрочем, уже в следующую секунду он вспомнил о своем новом приобретении и расстегнул портфель — ему не терпелось взглянуть на редкое издание.

Осторожно раскрыв книгу, профессор увидел одну из гравюр и помещенное напротив нее латинское стихотворение.

За пятьсот лет, прошедших с года издания книги, плотная шероховатая бумага почти не пострадала, только заметно пожелтела, да типографская краска немного выцвела. Однако гра-

вюра сохранилась прекрасно — скелет в темном долгополом плаще склонился в шутовском поклоне, подавая руку пожилому человеку в темном плаще и высокой шляпе, как будто приглашая его на танец...

Профессор начал читать стихотворение на соседней странице, но успел прочесть только две первые строки:

От многих знаний много вреда,
Всех ждет один конец...

Дочитать он не успел: дверь погребка с громким скрипом распахнулась, впустив внутрь порыв сырого холодного ветра. Вместе с этим ветром в заведение вошел новый посетитель — высокий сутулый человек в длинном пальто с поднятым капюшоном.

Из-за капюшона его лица не было видно, и профессор отчего-то почувствовал странное беспокойство. Ему расхотелось читать книгу, он бережно закрыл ее и убрал в портфель.

Допив глинтвейн, встал, махнул рукой Анике и быстро покинул гостеприимный погребок.

Поскольку профессор находился уже на полпути к Вышгороду, то решил подняться к Девичьей башне и затем спуститься оттуда по старинной улице Люхике Ялг, то есть Короткая Нога — самому короткому спуску в Нижний город. Так он срезал бы дорогу и очень скоро попал домой.

Наверху гулял ледяной ветер. Свет фонарей остался позади, вокруг был мрак и холод. Про-

фессор поднял воротник пальто, свернул в каменную арку и прибавил шаг.

Позади него кто-то быстро шел — от каменных стен гулко отдавались торопливые неровные шаги.

Профессор пошел еще быстрее — но незнакомец не отставал, как будто боялся остаться один на один с ночным городом.

Тогда профессор нарочно замедлил шаг, чтобы пропустить прохожего вперед. Но и тот пошел медленнее, так что расстояние между ними оставалось неизменным.

Профессор свернул в низкую каменную арку, соединявшую улицу, точнее лестницу Люхике Ялг, с другим спуском — Пикк Ялг, или Длинная Нога.

Таинственный незнакомец свернул следом за ним, так что не осталось никаких сомнений — он преследует профессора с какими-то неясными, но наверняка недобрыми намерениями.

Профессор шагнул в сторону, прижавшись спиной к стене, надеясь, что незнакомец не заметит его в темноте и пройдет мимо.

Из мрака появилась высокая фигура в плаще с капюшоном.

Несомненно, это был странный посетитель винного погребка. Тот человек, который ворвался туда с порывом ледяного северо-западного ветра.

Только теперь его мрачный силуэт показался профессору куда более зловещим. Он напомнил ему изображение смерти на старинной гравюре,

изображение танцующего скелета в длинном плаще.

Незнакомец остановился, вглядываясь в темноту. Из-под капюшона тускло блеснули белки глаз. Шагнув вперед, он положил на плечо профессора тяжелую руку и заговорил.

Он говорил по-латыни, и, вслушавшись в его слова, профессор узнал стихотворение из книги:

От многих знаний много вреда,
Всех ждет один конец.
И книги тебе не помогут, когда
Придет за тобою жнец...

— Что вам от меня нужно? — спросил профессор, собрав все свое мужество. — Вам нужны деньги? Но у меня их почти нет...

Впрочем, в глубине души он понимал, что этого человека, читающего посреди ночи латинские стихи, вряд ли интересуют его деньги. Ему нужно что-то совсем другое...

Профессор догадывался, что именно — но не хотел признаваться в этом даже себе самому.

В проеме каменной арки появилась луна, осветив сцену разворачивающейся драмы тусклым призрачным светом. Профессор вгляделся в провал под капюшоном, надеясь увидеть лицо незнакомца. Почему-то ему казалось, что если он увидит его, ничего страшного не произойдет.

Однако под капюшоном ничего не было видно — как и прежде, оттуда лишь тускло блестели белки глаз.

А незнакомец, дочитав латинское четверостишие, взмахнул рукой — и из широкого рукава

выдвинулось узкое лезвие, сверкнувшее в лунном свете живым серебром, как выпрыгнувшая из воды рыба.

— Зачем?! — вскрикнул профессор, попытавшись увернуться, выскользнуть, сбежать...

Но узкое лезвие уже вошло в живую плоть, пронзив его немислимым, непостижимым холодом. Профессор понял все — и тут же провалился в последнюю бездну, во тьму без образов и видений.

А человек в длинном плаще выдернул свое лезвие, вытер его о пальто мертвеца и спрятал в рукав. Затем, склонившись над трупом, взял из мертвой руки портфель, расстегнул его и достал старинную книгу.

Раскрыв ее в нужном месте, вырвал страницу и осторожно засунул ее за воротник кашемирового пальто профессора.

Выпрямившись, незнакомец бережно спрятал оскверненную книгу за пазуху и быстрыми неровными шагами удалился в сторону Нижнего города.

— Тере, — сказал Старыгин, входя в гостиничное кафе, чтобы съесть положенный ему завтрак.

— Здравствуйте, — ответила светловолосая девушка с едва заметным акцентом.

Дмитрий Алексеевич обрадовался, поскольку знал по-эстонски всего одно слово. Правда, всегда можно было объясниться с персоналом гостиницы по-английски, но отчего-то ему было

приятно, что девушка говорит на его родном языке.

Дмитрий Алексеевич Старыгин, талантливый реставратор с мировым именем, приехал в Таллинн по приглашению своего эстонского коллеги профессора Хендрика Саара. Тот собирался приступить к реставрации двух картин неизвестного фламандского мастера, выставленных в церкви Нигулисте, которая являлась музеем средневекового искусства и по совместительству концертным залом, поскольку там находился лучший орган в Таллинне, и пригласил Старыгина на консультацию.

Дмитрий Алексеевич специализировался на художниках итальянского Возрождения, но с радостью согласился приехать — с профессором Сааром его связывало давнее деловое знакомство, кроме того, он с юности любил Таллинн.

Завтрак был по-эстонски плотным и обильным. Сочная ветчина, мягкий теплый хлеб, свежайшее желтое масло и душистый малиновый джем. Старыгин не отказал себе в удовольствии выпить две чашки крепкого горячего кофе и поднялся из-за стола, вполне довольный жизнью.

Дмитрий Алексеевич любил поесть и никак не мог побороть в себе эту слабость. Впрочем, он не слишком старался.

Пора было идти в музей. Вчера он приехал в Таллинн очень поздно и сразу же лег спать, они условились накануне с Хендриком, что встретятся прямо в церкви Нигулисте утром.

Старыгин вышел на улицу и вдохнул бодрящий морозный воздух. Однако свежо, все же февраль

месяц, до весны еще далеко. Он поплотнее обмотался шарфом и пошел не спеша, с удовольствием глядя по сторонам — симпатичный мужчина с густыми волосами, тронутыми сединой. Интересный и вполне молодежавый. А что до нескольких лишних килограммов в районе брюшного пресса, то под свободной курткой этого не видно.

Перед глазами проплывал старый город. Разноцветные дома с островерхими черепичными крышами, с флюгерами и крошечными слуховыми окошками, забранными ажурными коваными решетками, круглые башни, выложенные из серого камня. Толстые крепостные стены с глубокими бойницами, литые разукрашенные двери, и почти над каждой висит либо железный сапог, либо такой же крендель, либо три шара, означающие, что когда-то давно, возможно в пятнадцатом или шестнадцатом веке, в этом доме жил аптекарь.

Старыгин миновал всю эту красоту и поднялся на холм, где находилась церковь Святого Николая — Нигулисте.

Музей оказался открыт, стало быть, уже десять часов утра, и профессор Саар его ждет. Старыгин ускорил шаг.

Седовласая дама при входе сказала, однако, что профессор еще не приходил, и предложила подождать его в приемной. Или пройти в кабинет заместителя директора музея Кленского: он уже на месте и ждет дорогого гостя из Петербурга.

Кленский оказался немолодым, но крепким человеком. Красное широкое лицо, большие руки, выглядывавшие из рукавов пиджака, говорили о том, что предки его не занимались исследованием живописных полотен и скульптур. Вероятнее всего, они плавали в море, ловили рыбу, рубили лес или тесали камни.

Старыгин вежливо отказался от чая и кофе и решил побродить пока по музею, тем более что интересующие его картины еще висели в экспозиции.

В помещении церкви было пусто и прохладно, где-то наверху тихо звучала органная музыка — органист готовился к воскресному концерту.

Прежде всего Дмитрий Алексеевич заглянул направо, в капеллу святого Антония, там висела знаменитая картина «Пляска смерти». Примечательна она была тем, что прекрасно сохранилась с пятнадцатого века. Дмитрий Алексеевич знал, что в прошлом году исполнилось пятьсот лет со дня смерти ее создателя, немецкого художника Бернта Нотке, и по такому случаю картину реставрировали.

Император, король, священнослужитель и знатная дама в дорогой одежде стояли в сопровождении скелетов, изображающих смерть. Картина говорила о том, что все земное тщетно и перед лицом смерти все равны — бедные и богатые, красивые и уродливые, молодые и старые, и не спасут от смерти ни власть, ни деньги.

Старыгин опытным взглядом отметил отличную работу реставраторов, но не стал задерживаться надолго, ему хотелось взглянуть на те две